

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

EDN: CPGPPX

Научная статья / Research Article

Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы

А.М. Орехов , Н.А. Чубаров

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
 orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация. Цифровое неравенство и цифровая справедливость являются актуальными проблемами в современном мире. В данной работе рассматриваются социально-философские аспекты этих проблем и предлагаются меры для достижения цифровой справедливости. Авторы исследования обращают внимание на то, что цифровое неравенство может проявляться в различных формах, таких как доступ к информации, технологиям и ресурсам, а также в возможностях для участия в цифровой экономике. Это может приводить к усилению социальных неравенств и ограничению возможностей для развития личности и общества в целом. Для достижения цифровой справедливости авторы предлагают ряд мер, таких как улучшение доступа к цифровым технологиям и ресурсам, обеспечение равных возможностей для участия в цифровой экономике, а также защиту прав потребителей и конфиденциальности данных. Они также обращают внимание на необходимость развития цифровой грамотности и образования, чтобы люди могли эффективно использовать цифровые технологии и ресурсы. Авторы работы также рассматривают цифровое неравенство и цифровую справедливость в контексте монополизма и свободы слова. Они обращают внимание на то, что некоторые компании, декларирующие свою социальную ответственность, могут использовать свою монопольную позицию на рынке для ограничения свободы слова и доступа к информации. В этом контексте авторы исследования предлагают усилить роль государства в регулировании цифровой экономики и защите прав потребителей. В заключение, исследование представляет собой ценный вклад в область исследований цифрового неравенства и цифровой справедливости. Она подчеркивает необходимость учета социально-философских аспектов этих проблем и предлагает меры для достижения цифровой справедливости. Кроме того, данная работа обращает внимание на важность учета культурных и исторических особенностей при разработке политики в области цифровых технологий и ресурсов.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое общество, технологии, интеллектуальная собственность, интернет

История статьи:

Статья поступила 30.09.2023

Статья принята к публикации 01.11.2023

© Орехов А.М., Чубаров Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 260—272. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Digital Inequality and Digital Justice: Social-philosophical Aspects of the Problem

Andrei M. Orekhov , Nikolai A. Chubarov

RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation
orekhovandrey@yandex.ru

Abstract. Digital inequality and digital justice are pressing issues in today's world. This work examines the socio-philosophical aspects of these problems and proposes measures to achieve digital justice. The authors draw attention to the fact that digital inequality can manifest itself in various forms, such as access to information, technology and resources, as well as opportunities to participate in the digital economy. This can lead to increased social inequalities and limited opportunities for the development of individuals and society as a whole. To achieve digital justice, the authors propose a number of measures, such as improving access to digital technologies and resources, ensuring equal opportunities to participate in the digital economy, and protecting consumer rights and data privacy. They also draw attention to the need to promote digital literacy and education so that people can make effective use of digital technologies and resources. The authors also examine digital inequality and digital justice in the context of monopoly and free speech. They point out that some companies that declare their social responsibility may use their monopolistic position in the market to limit freedom of speech and access to information. In this context, the authors suggest strengthening the role of the state in regulating the digital economy and protecting consumer rights. In conclusion, the research is a valuable contribution to the field of research on digital inequality and digital justice. It emphasizes the need to take into account the socio-philosophical dimensions of these issues and suggests measures to achieve digital justice. It also draws attention to the importance of cultural and historical sensitivity in the development of digital policies and resources.

Keywords: digitalization, digital society, technology, intellectual property, internet

Article history:

The article was submitted on 30.09.2023

The article was accepted on 01.11.2023

For citation: Orekhov AM, Chubarov NA. Digital Inequality and Digital Justice: Social-philosophical Aspects of the Problem. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(1):260—272. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-1-260-272>

Введение: Цифровизация как общемировой тренд

Цифровизация представляет собой один из самых значимых мегатрендов современного информационного (постиндустриального) общества. В рамках этого мегатренда вводится понятие «цифрового общества», которое, при

первом приближении, следует рассматривать как одну из ступеней развития информационного (постиндустриального) общества.

«Цифровое общество» — это общество, в котором технологии, особенно Интернет и связанные с ним устройства, играют центральную роль. Из-за распространения технологий, таких как смартфоны, персональные компьютеры, планшеты, локальные и облачные хранилища данных, нам стали доступны новые возможности для общения, обмена информацией и совершения покупок.

Более конкретно это выражается в следующем:

(1) *Быстрый и широкий доступ к информации.* Интернет позволяет получать и делиться информацией в режиме реального времени, что позволяет людям находить быстрые и эффективные решения и учиться новому.

(2) *Ускорение темпа жизни.* Технологии позволяют нам делать все быстрее и проще — от заказа еды до покупки авиабилетов. Это позволяет ускорить темп жизни и помочь нам улучшить свой день.

(3) *Глобализация.* Технологии определяют наш мир в глобальном масштабе. Мы взаимодействуем с людьми со всех уголков планеты, знакомимся с всемирными новостями, открываем мир и культуры.

(4) *Новые возможности для работы.* Технологии предоставляют возможность работать удаленно, поэтому теперь люди могут работать и жить в любом месте мира, где есть доступ к Интернету.

(5) *Электронная коммерция.* Интернет позволяет проводить торговлю и услуги в онлайн-режиме, что ускоряет процесс покупки и продажи товаров и услуг.

(6) *Большой объем данных.* Цифровое общество генерирует огромный объем данных, используемых для анализа и принятия решений.

(7) *Облачные технологии.* Облачные технологии позволяют хранить данные и работать с ними на удаленных серверах, что упрощает доступ к данным и повышает безопасность.

(8) *«Интернет вещей».* Интернет вещей позволяет связать различные устройства и сенсоры, чтобы собирать данные и управлять ими.

(9) *Искусственный интеллект.* Искусственный интеллект используется для анализа больших объемов данных и для автоматизации процессов.

Однако следует еще раз указать на то, что авторы статьи полагают, что концепт «цифровое общество» никак не подменяет собой концепт «информационное (постиндустриальное) общество»; «цифровое общество» лишь является современным ступенью (этапом) развития последнего. Потому можно сказать так: «сейчас мы живем в *цифровом обществе*, и оно, такое общество, есть *современный этап* развития *информационного (постиндустриального) общества*. В рамках социально-философского дискурса правильнее говорить даже не о типах общества, а об «экономических эпохах», т.е. употреблять термин «информационная (постиндустриальная) экономическая эпоха» [1. С. 201—202]. Тогда возможно заявить следующее формулу: *мы живем на*

«цифровом этапе» развития современной информационной (постиндустриальной) экономической эпохи. И этот важный тезис отрицает наличие так называет «цифровой революции» как скачка от «информационного общества» к «цифровому». Здесь нет «скачка», поскольку никакого качественного сдвига в самом информационном (постиндустриальном) обществе не произошло. Переход к цифровой стадии — это *мини-революция, технологическая революция*, но никак не *фундаментальная социальная революция*, — наподобие перехода от индустриальной экономической эпохи к информационной (постиндустриальной) экономической эпохе.

Такой подход позволит нам рассмотреть *цифровое благо* не как нечто отличное от *информационного (интеллектуального) блага*, а как специфический тип такого блага. Но в конце этого раздела еще раз следует подчеркнуть, что скепсис, высказанный нами в отношении «цифровизации» как некоего качественного скачка к новому типу общества разделяют и многие другие исследователи. Назовем двух, хотя список может быть очень длинным.

Например, академик Данилов-Данильян полагает, что мегатренд цифровизации — в значительной своей части лишь *модное увлечение*, подобное увлечению кибернетикой в 60-е гг. прошлого века. Но это *увлечение* может (тут авторы используют своего рода каламбур) «увлечь» деньги, выделяемые на российскую науку, совсем не в нужном направлении:

«Есть опасения, что бюджетные финансы, выделяемые на цифровизацию, будут распределены и потрачены далеко не лучшим образом...» [2. С. 1124].

В данном контексте рассматриваются не только научные области, но и государственная деятельность, которая иницируется результатами. Такое взаимодействие является нежелательным, особенно учитывая, что финансирование науки в России не соответствует статусу великой державы.

Данилов-Данильян также критически воспринимает идею глобального конструирования так называемых «цифровых двойников» реально существующих эмпирических объектов: этот научный тренд ему представляет излишним:

«...Для решения многих экологических задач, например, оздоровления какого-либо водного бассейна „цифровой двойник“ не требуется» [2. С. 1131].

Создание цифрового двойника может потребовать значительных финансовых затрат, что может отвлечь ресурсы от создания очистных сооружений для наиболее опасных источников загрязнения.

Другой исследователь, — В.Г.Марача, — утверждает следующее:

«Цифровизация» пересекается и взаимодействует с трендом «сетевизации», значительно упрощая распространение сетевых связей и отношений» [3. С. 2].

В последующем уточняется, что простая цифровизация без изменения организации общественных отношений и институтов не достаточна для достижения цифровой трансформации. Она может привести только к оцифровке

существующих институтов, в которой передовая технологическая форма маскирует морально устаревшее содержание.

В рамках исследования мегатренда цифровизации ведется немало интересных дискуссий, — например, о *Homo digital* — «цифровом человеке» [4; 5], «цифровой биоэтике» [6], взаимодействии мегатрендов цифровизации и глобализации [7], но авторы статьи намерены сосредоточиться лишь на двух аспектах цифровизации — «цифровом неравенстве» и «цифровой справедливости» и связать их с общими принципами теории цифрового блага.

Цифровое неравенство и цифровая справедливость

В самом общем виде цифровое неравенство можно определить посредством зафиксированной эмпирически и обобщенной теоретически ситуации неравных возможностей у различных социальных групп и отдельных индивидов в доступе к цифровым благам: например, одни социальные группы имеют больше таких возможностей и больше цифровых благ, другие имеют их меньше.

Цифровое неравенство — это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета»

Проблема «цифрового неравенства» уже не раз ставилась социологами и экономистами, — например, в отношении вопроса о различии в возможностях доступа к цифровым благам в сравнении между российскими регионами:

«В результате сопоставления цифрового и социально-экономического развития было выявлено, что цифровое неравенство оказывает влияние на социально-экономическое развитие регионов» [8. С. 76].

Далее проясняется, что при анализе источников экономического роста в различных регионах необходимо учитывать цифровое неравенство и предпринимать соответствующие меры для улучшения показателей социально-экономического развития.

Проблема цифрового неравенства актуальна и для таких специфических областей, как цифровая биоэтика. Например, Е.В.Брызгалина указывает на этот счет:

«Цифровая биоэтика может предложить эмпирические знания как своего рода поддержку *нормативных соображений или управленческих решений* (курсив — А.О., Н.Ч.)» [6. С. 99].

Если уточнять, на основе конкретных данных, эта методика позволяет детально проанализировать применение биоэтических норм в специфических сферах деятельности и общения.

Правда, возникает резонный вопрос: кто будет формировать эти «нормативные соображения» или «управленческие решения» в условиях реального цифрового неравенства? И не приводит оно еще к большему неравенству и к еще большей несправедливости в распределении цифровых благ?

Концепт «цифровая справедливость» еще мало задействован социальными учеными, но его можно считать гипотетическим развитием, например, такого понятия как «цифровое благополучие», — под которым, вероятно следует полагать удовлетворенность, которую испытывает социальная группа или конкретный человек в отношении объема (количества) и качества получаемых ими цифровых благ:

«К значимым универсальным критериям уровня антропологической адекватности относится чувство *цифрового благополучия*» [5. С. 158].

Подробнее, на современном этапе развития общества существует понятие, которое может быть присущим или отсутствовать у человека в качестве его членства в обществе: это уровень цифровой грамотности, который обеспечивает возможность удовлетворения потребностей в Интернете; также необходимость наличия соответствующих технических возможностей для удовлетворения запросов пользователей.

Как известно, проблема равенства (неравенства) и проблема справедливости связаны между собой, так сказать, *диалектически*: справедливость может состоять и в равенстве, и в неравенстве, и свою очередь, состояние равенства может быть как справедливым, так и несправедливым. Потому авторы статьи ограничатся лишь констатацией следующего положения: проблема цифрового равенства (неравенства) автоматически выводит нас на проблему цифровой справедливости, под которой следует, вероятно, понимать ситуацию правильного соотношения должного и сущего в сфере распределения цифровых благ. *Парфразируя Платона и Ролза, можно заявить, что цифровая справедливость — это когда в условиях честного равенства возможностей каждый индивид получает количество цифровых благ, соответствующее его заработку; в случае ущемления политических и социально-экономических прав относительно этих благ предусмотрена компенсация.*

Наконец, осталось разобраться еще с одним важным вопросом: что есть цифровое благо? Ведь если мы не поймем, что оно представляет в своей сущности, наше обсуждение проблемы цифрового неравенства и цифровой справедливости будет востребованным лишь на «газетном уровне», уровне common sense, здравого смысла.

Цифровое благо как тип интеллектуального блага

Вероятно, возможны различные подходы к теории цифрового блага (или, скажем так: к онтологии цифровых благ). Все эти подходы авторами статьи безусловно приветствуются и полагаются необходимыми к изучению. Вероятно, одним из самых перспективных подходов может стать использование в анализе цифровых благ теории капиталов П. Бурдье [9], и, в частности, его концептов «культурный капитал» и «символический капитал». Тогда, согласно подходу П. Бурдье, можно начать разговор о «цифровом символическом капитале» как совокупности культурного, экономического,

бюрократического (и т.п.) видов капитала. Но это требует ввода таких концептов, как, к примеру, «цифровой культурный капитал», «цифровой экономический капитал», «цифровой бюрократический капитал» (и т.п.), которые могут показаться излишне громоздкими и запутанными. Неясным также остается вопрос о введении единицы измерения такого капитала: «капитал» следует дробить на более мелкие *капиталы* или еще на что-то другое? «Капиталы» образуются из *капиталов* или еще чего-то иного?¹

Но есть социально-философская концепция интеллектуальной собственности [10], вполне пригодная для теории цифрового блага, если под последним понимать разновидность интеллектуального блага.

*Цифровое благо — это интеллектуальное благо, любое знание и информация, содержащее в себе какие-либо цифровые данные. Цифровая интеллектуальная собственность — это собственность на всякое знание и информацию, содержащее в себе цифровые данные*².

Вероятно, следует предположить, что всю интеллектуальную собственность можно разделить на два вида: *цифровую* и *не-цифровую*. Если цифровая интеллектуальная собственность содержит в себе цифровые данные, то не-цифровая интеллектуальная собственность актуально их не содержит, хотя потенциально также может быть оцифрована. В случае «оцифровки» как раз и возникает то, что Данилов-Данильян выше обозначал как «цифровой двойник» («цифровой дубликат») какого-либо объекта, но, — опять же, — сам объект может быть как вещественным, так и интеллектуальным. Цифровизация интеллектуального объекта — это как бы «цифровизация в квадрате», — поскольку любой интеллектуальный объект уже изначально может быть связан с какими-то цифровыми данным (к примеру, время создания этого объекта, возраст его творца и т.п.).

Цифровизация интеллектуальных объектов уже создала немалые проблемы в области авторского права [11] и при этом не слишком облегчило доступ одних пользователей к публикациям других пользователей (особенно это касается электронных и печатных книг, защищенных от свободного доступа правами издательств). Монополия в сфере интеллектуальной собственности, ограничение прав отдельных категорий пользователей, замена бесплатного доступа коммерческим пользованием, — все это характерные признаки цифрового общества. И опять же это требует обращения к проблеме цифрового неравенства — уже как неравенства в сфере распределения цифровых благ как специфических типов интеллектуальных благ.

¹ Этот вопрос можно адресовать к теории П. Бурдые в целом.

² В монографии [10] автором отстаивается так называемая «расширенная» концепция интеллектуальной собственности, противопоставленная ее «узкому», юридическому подходу.

Цифровое неравенство и цифровая справедливость как неравенство и справедливость в распределении цифровых благ

Цифровое неравенство — это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним. Цифровая справедливость — это правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности.

В отношении проблемы «цифрового неравенства» важно видеть два уровня ее анализа:

(1) цифровое неравенство как нарушение универсальных принципов свободы, справедливости и демократии;

(2) цифровое неравенство как нарушение права каждого человека и социальной группы в рамках национального государства.

Первый уровень цифрового неравенства достаточно очевиден и уже стал предметом рассмотрения в трудах многих исследователей, — самым известным из них, вероятно, является фундаментальный труд Ш. Зубофф, посвященный «надзорному капитализму» [12]. В частности, Ш. Зубофф утверждает:

«Это новая рыночная форма задеиствует уникальную логику накопления, в которой основополагающим механизмом превращения инвестиций в прибыль является надзор» [12. С. 74—75].

В последующем более подробно раскрывается, что благодаря концепции надзорного капитализма, существует опасность нового рода в отношении ресурсов, которые мы ищем в цифровой сфере, для обеспечения полноценной жизни. В этом новом режиме момент удовлетворения наших потребностей совпадает с моментом, когда нас подвергают наблюдению для сбора поведенческих данных, и все это происходит ради выгоды других людей. В случае отсутствия эффективного общественного ответа, ограничивающего или обязывающего такую накопительскую логику незаконной, надзорный капитализм может стать доминирующей формой капитализма в нашем времени.

На «размытость» принципов свободы и демократии при «цифровом капитализме» обращает внимание и Т.Л. Ровинская:

«Сочетаются ли в действительности эти два явления — монополизм и свобода, или имеет место искусная подмена понятий?» [13. С. 25].

Двойственность сложившейся ситуации проявляется в следующем: технически и экономически ИТ-гиганты нарушают принципы свободной рыночной конкуренции и либерально-демократические нормы, являясь монополистами цифрового рынка и Интернета.

Также можно полностью согласиться и с другим выводом российской исследовательницы:

«В настоящее время ИТ-кластер стал, по сути, новым общественно-политическим институтом и самостоятельным политическим игроком» [13. С. 33].

Итак, по первому уровню анализа проблемы цифрового неравенства и цифровой справедливости вывод можно сделать следующий: свободы и права цифровых пользователей, хотя и декларируются изначально, но при этом подвержены монопольным атакам со стороны IT-корпорации, которые стремятся ущемить эти права (например, используя персональную информацию во вред самому человеку) и тем самым вносят дисбаланс в цифровое равенство и цифровую справедливость:

«Если он [человек] решает перевести свои права в цифровой вид, то он должен обладать исключительным правом на знания, полученные из этих данных, а также исключительным правом решать, как эти знания будут использованы» [12. С. 16].

Если пояснить более детально, то в настоящее время указанные права, такие как право на приватность, доступ к соответствующим данным и их использование, были захвачены смелыми коммерческими организациями, основанными на односторонних претензиях к чужому опыту и происходящим из него знаниям.

Но перспектива «цифровой демократии» все же не представляется слишком близкой: пока пользователи могут лишь «лавировать» на площадках, предоставляемых им IT-корпорациями:

«Сообщества пользователей все же обладают меньшим влиянием по сравнению с бизнес-структурами, в силу того что у них нет возможности влияния ни на инфраструктурном, ни на функциональном уровнях; их главный ресурс — это данные, которые в результате их деятельности агрегируют цифровые платформы. Пользователи вынуждены выбирать между цифровыми площадками, созданными бизнес-структурами» [14. С. 17—18].

«Цифровые границы» и кругооборот цифровых благ в рамках «цифрового государства»

Второй уровень анализа проблемы «цифрового неравенства» и «цифровой справедливости» — это распределение и перераспределение цифровых благ в рамках национальных государств и на границах между ними.

Здесь уместно ввести определение того, что есть «цифровые границы»:

«Цифровые границы, разделяющие глобальное информационное пространство, представляю собой социальные конструкты, в которых можно выделить дискурсивный (являющийся отражением властных отношений и дискурса на международной арене) и онтологический уровни (под онтологическим уровнем понимается инфраструктура, программное обеспечение и цифровой контент)» [14. С. 9].

Отметим следующее: существует сложная взаимозависимость между двумя уровнями, которые не совпадают. На дискурсивном уровне государства выступают в качестве субъектов формирования, которые стремятся укрепить свой суверенитет и защититься от угроз информационной безопасности.

Осуществляя подход со стороны так называемой «критической геополитики», Е.С. Зиновьева далее указывает:

«Границы и территории — это продукты властных отношений, формируемых дискурсивно. Границы и территории — не просто материальные объекты, они обретают форму и смысл только в результате социальной активности групп или отдельных индивидов».

Можно также привести определение А. Пасси:

«Территории — это манифестация властных отношений, они нуждаются в публичных действиях для их создания и поддержки» [15. Р. 111].

Цифровые территории и цифровые границы, — в отличие от обычных географических границ и территорий, — динамичны и эластичны, легко перестраиваются:

«Особенностью цифровых территорий и цифровых границ является их динамизм — они постоянно изменяются и перестраиваются, причем создание новых территорий и новых измерений киберпространства происходит в результате деятельности государств и негосударственных акторов» [14. С. 19].

В связи с концептами «цифровая территория» и «цифровая граница» необходимо ввести понятие «национального цифрового суверенитета» или «цифрового суверенитета государства». Это суверенитет определяет полномочия государства на его цифровой территории, а также возможные решения государства и его политические практики. К числу таковых решений и политических практик относятся:

(а) отключение или ограничение доступа к Интернету; (б) геолокация программного обеспечения; (в) законодательное регулирование трансграничной передачи данных за счет программных средств; (г) локализация персональных баз данных [14. С. 16].

Е.С. Зиновьева подчеркивает:

«Эти технологические решения дают возможность государствам контролировать цифровые границы даже в условиях сохранения монополии [IT-корпораций], существенно укрепляя цифровой суверенитет. При этом преследуется цель обеспечения безопасности и государственного суверенитета, поэтому, как правило, это не препятствует трансграничным потокам информации» [14. С. 16].

Но насколько «цифровой суверенитет государства» способен решить проблему цифрового неравенства и цифровой справедливости на национально-государственном и межгосударственном уровне? Следует предположить, здесь могут быть два вектора — положительный и отрицательный. Положительный вектор позволяет государству путем самых различных мер «сглаживать цифровое неравенство, поддерживать ущемленных пользователей, и тем самым вести страну к большему цифровому неравенству и цифровой справедливости. Отрицательный вектор состоит в том, что, используя различные ограничения и отключения, национальное государство закрывает

доступ к информации своим пользователям, усиливает контроль над их персональными данными и базами данных, и тем самым вносит в структуру распределения цифровых благ элементы еще большего неравенства и несправедливости.

Заключение

Таким образом, из нашего исследования можно сделать следующие выводы:

(1) Для более фундированного решения проблем цифрового неравенства и цифровой справедливости необходимо иметь теорию цифровых благ. Если такой еще не имеется, то ее необходимо начать разрабатывать, — в том числе и на социально-философском уровне.

(2) Проблему «цифрового неравенства» и «цифровой справедливости» следует анализировать на двух уровнях: (а) цифровое неравенство как нарушение универсальных принципов свободы, справедливости и демократии; (б) цифровое неравенство как нарушение права каждого человека и социальной группы в рамках национального государства.

(3) Стремление к цифровой справедливости как к должному распределению цифровым благ между социальными группами и отдельными гражданами должно стать приоритетной целью государственной политики в рамках реализации «цифрового суверенитета государства».

Список литературы

- [1] Орехов А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М. : УРСС, 2011.
- [2] Данилов-Данильян В.И. Цифровизация 2020-х и кибернетизация 1960-х: сопоставления и уроки // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 12. С. 1124—1132. <https://doi.org/10.31857/s0869587322120040>
- [3] Марача В.Г. Цифровизация и социокультурный мир // Гигиена культуры. Культура в цифровом обществе. Будапешт : Каирос, 2020. С. 125—138.
- [4] Чернавин Ю.А., Барина Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 30—39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39>
- [5] Асеева И.А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 156—164. <https://doi.org/10.31857/s0869049922050082>
- [6] Брызгалова Е.В. Цифровая биоэтика: дисциплинарный статус между традицией и вычислением // Вопросы философии. 2023. № 1. С. 95—103. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103>
- [7] Чирков М.А., Лачина Т.А., Чистяков М.С. Знания и информация как синергия платформенного подхода к цифровизации глобального развития // Свободная мысль. 2020. № 5. С. 37—44. <https://doi.org/10.24411/0869-4435-2020-00003>

- [8] Меликян А.А. Детерминанты цифрового неравенства на примере регионов России // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 60—79. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2023-23-4-104-120>
- [9] Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.
- [10] Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М. : УРСС, 2009.
- [11] Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: Личная собственность в цифровой экономике. М. : Дело, 2019.
- [12] Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М. : Издательство Института Гайдара, 2022.
- [13] Ровинская Т.Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. 2022. № 2. С. 22—36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03>
- [14] Зиновьева Е.С. Форматирование цифровых границ и информационная глобализация: Анализ с позиций критической географии // Полис. 2022. № 2. С. 8—21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.02>
- [15] Passi A. Territory // Agnew J., Mitchell K., Toal G., editors. *A Companion to Political Geography*. Malden : Blackwell, 2003. P. 109—122.

References

- [1] Orekhov AM. *Social philosophy: subject, structural profiles and challenges at the turn of the XXI century*. Moscow: URSS publ.; 2011. (In Russian).
- [2] Danilov-Danil'yan VI. Digitalization 2020s and cybernetization 1960s: comparisons and lessons. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92(12):1124—1132. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/s0869587322120040>
- [3] Maracha VG. *Digitalization and sociocultural world*. In: *Hygiene of culture. Culture in the digital society*. Budapest: Kairos; 2020. P. 125—138. (In Russian).
- [4] Chernavin YA, Barinova GV. Man in the space of digital culture. *Voprosy Filosofii*. 2023;(4):30—39. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39>
- [5] Aseeva IA. Anthropological adequacy as an indicator of human-dimensionality of digitalization. *Social Sciences and Modernity*. 2022;(5):156—164. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/s0869049922050082>
- [6] Bryzgalina EV. Digital bioethics: disciplinary status between tradition and computation. *Voprosy Filosofii*. 2023;(1):95—103. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-94-103>
- [7] Chirkov MA, Lachinina TA, Chistyakov MS. Knowledge and information as a synergy of the plat-form approach to the digitalization of global development. *Svobodnaya Mysl'*. 2020;(5):37—44. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/0869-4435-2020-00003>
- [8] Melikyan AA. Determinants of digital inequality on the example of Russian regions. *Russian Economic Journal*. 2023(1):60—79. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2023-23-4-104-120>
- [9] Bourdieu P. Forms of capital. *Economic Sociology*. 2002;3(5):60—74. (In Russian).
- [10] Orekhov AM. *Intellectual property: experience of socio-philosophical and socio-social-theoretical study*. Moscow: URSS publ.; 2009. (In Russian).
- [11] Perzanowski A, Schultz J. *The end of ownership: Personal property in the digital economy*. Moscow: Delo publ.; 2019. (In Russian).
- [12] Zuboff S. *The era of surveillance capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2022. (In Russian).

- [13] Rovinskaya TL. Freedom of speech in the conditions of digital dictatorship of IT-corporations. *Polis*. 2022;(2):22—36. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.03>
- [14] Zinovieva ES. Formatting digital borders and information globalization: Analysis from the perspective of critical geography. *Polis*. 2022;(2):8—21. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.02>
- [15] Passi A. *Territory*. In: Agnew J, Mitchell K, Toal G, editors. *A Companion to Political Geography*. Malden: Blackwell; 2003. P. 109—122.

Сведения об авторах:

Орехов Андрей Михайлович — доктор философских наук, доцент, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: orekhovandrey@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-7025-3244

Чубаров Николай Александрович — аспирант, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (e-mail: chubaricusnikalex@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9668-7457

About the authors:

Orekhov Andrei M. — DSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: orekhovandrey@yandex.ru). ORCID: 0000-0002-7025-3244

Chubarov Nikolai A. — Postgraduate Student, Department of Social Philosophy, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, Moscow, Russia (e-mail: chubaricusnikalex@gmail.com). ORCID: 0000-0001-9668-7457